

ЛЮБОВЬ ДАНИЛОВА

Герольд Морозовых владений

Любовь Данилова
Герольд Морозовых владений

«Издательские решения»

Данилова Л.

Герольд Морозовых владений / Л. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857061-2

Почти невероятная и совершенно детективная история из рассекреченного архива Вотчины Деда Мороза! Не так-то просто быть земляком Деда Мороза. Заманчиво оказаться среди посвящённых, пройти в дом волшебника через служебный вход, но ведь это и очень ответственно! А если по твоей вине случится беда, то разбираться придётся самому, хотя и поспешат на помощь суровые хранители. Зато ты сможешь узнать все секреты герба Деда Мороза, сделать великое открытие и восстановить защиту Морозовых владений!

ISBN 978-5-44-857061-2

© Данилова Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Первая встреча с хранителями	8
Глава 2. Как на самом деле относятся к подбору кадров хранители	11
Глава 3. Для кого Старейший – Дед Мороз	13
Глава 4. По Тропе Сказок от конца к началу	16
Глава 5. Шурши бывают разные – большие и маленькие	18
Глава 6. Не все девчонки любят розы	20
Глава 7. Если вас не утверждали на Совете Вотчины, вам очень повезло	22
Глава 8. Погоду для свиданий надо выбирать!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Герольд Морозовых владений

Любовь Данилова

© Любовь Данилова, 2018

ISBN 978-5-4485-7061-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эту невероятную историю я записала ещё десять лет назад, когда всё и случилось. В ту пору главные её герои были совсем юными, Вотчина Деда Мороза лишь начинала приобретать свой нынешний великолепный облик, а её современная история только начинала писаться. Но тогда вмешались хранители, и публикация не состоялась.

Много воды в Сухоне утекло с тех пор, я почти и забыла про этот текст. Но недавно после ночного заморозка в промозглый ветреный день конца лета ко мне постучали в дверь. Никита, похоже, был искренне рад меня видеть.

И вот мы уже мчались на внедорожнике. Быстро проскочив асфальт, тряслись по загородной грунтовке. Там, где лужи становились похожими на моря, машина ложилась брюхом и плыла. Но у реки, выскочив на сухонский берег под Царёвой горой, она остановилась. Там и ждали хранители. Встреча с ними была коротка – её границы определял ветер.

Пожалуй, все были такими же, как и раньше. Ерофей Павлович щурился, сняв очки. Разглядывая меня без помощи обманчивого стекла, он, наверно, окончательно утвердился в том, что я заслуживаю доверия, и протянул мне металлическую коробочку. Я не сомневалась. Это был жёсткий диск с моего старого компа, когда-то ими же, хранителями, довольно бесцеремонно снятый. А сейчас даже сам Ерофей Павлович как будто оправдывался!

– Ты же помнишь, как было тогда... – говорил он, в долгих паузах подбирая слова: – Всё ненадёжно, опасно и зыбко... Казалось, зачем выносить сор из избы, ведь справились же...

– А почему сейчас? – поняв возврат диска как разрешение к публикации, захотела ясности я.

И они заговорили чуть ли не хором, уязвлённые и расстроенные. Моя догадка подтвердилась.

– Николавна, ты ж, поди, видела?! Как мы упустили это?!

– Когда нам в кино ходить, времени на глупости нет!

– А он прямо маг, можно подумать! И даже старший брат! Это ж надо?!

– Сын Луны разрезал небо, чтобы орды химер завоевали землю!

– Это, – я поморщилась так же, как и они, – посмотрела, хоть и с трудом. Но не там ли вырастают химеры, где живут слухами, а участники и очевидцы реальных событий предпочитают молчать? – позволила себе укоризну в адрес старших.

– Ладно тебе, Николавна. Не выступай. Старейший вот тоже гневается. Дети нынче только и спрашивают под Новый год: «А правда, дедушка, что треснет защитный купол и монстры сожгут наш мир дотла?»

Неводчиков, как и прежде не очень разговорчивый, насупилс:

– Дети не должны тревожиться и сомневаться в будущем.

Ерофей Павлович, заканчивая обсуждение, коснулся моего плеча и заглянул в глаза вопросительно:

– Мы надеемся на тебя. Не в обиду? – и сразу же, оживившись, перевёл на другое: – А «Папороть»¹ твою я читал. Молодец, уплотняешь время! Нынче память разрежена, как воздух в горах, отчего тяжело дышится.

– Любаш, а дальше-то что? – мгновенно, словно давно ждал, среагировал на смену темы Шалауров. – Скинь продолжение, а? Адрес-то знаешь или напомнить?

– Конечно, помню, Никита, – ответила я тепло. Пронизывающий, ледяной ветер с Карского моря стихал.

– А помнишь...

¹ Повесть «Каменная птица папороть».

– У нас мало времени, – вечно суровый, как сама Арктика, Семён тронул Шалаурова за плечо. – Циклоническая активность падает. Мы уходим.

– Все на борт! Отваливай! – команды звучали одна за другой. – Паруса поднять!

Противоположный берег Сухоны скрылся в завесе ледяного дождя, превращая реку в безбрежное Студёное море.

Всё ж таки получается, что я не напрасно тогда писала...

Глава 1. Первая встреча с хранителями

Что-то холодное так и врезалось в подреберье, рубашка вдруг стала влажной, лоб – мокрым. Гулкий металлический смех прокатился по анфиладе незапертых комнат. Егор вздрогнул и мгновенно проснулся. Никого рядом. Темнота вокруг была по-зимнему непроницаема, холодна и безмолвна. Егор торопливо, с недобрим предчувствием запустил руку под влажное тепло рубашки и еще раз лихорадочно нащупал то, что так напугало во сне.

Беды не случилось, Морозная печать была на месте. Её холодные грани, впиваясь в кожу, давали хотя бы долю уверенности в том, что ещё не всё потеряно, что он, Егор, справится с этой бедой, возникшей по его вине. Только гнать мысли дальше, дальше! Не бояться ничего и ждать. Он обязательно придёт. И они встретятся один на один. Вот только не уснуть больше, ни на миг, ведь совсем смерклось, а это его время. Егор осторожно поёрзал на скрипучем диване, подтянул коленки ближе к груди, пытаясь защитить от невидимого врага незаслуженно доверенную ему печать...

Как ещё пару месяцев назад всё было спокойно и тихо! Потом стало весело и интересно. А сейчас – никуда не годится.

В тот день, в середине первой четверти, за ним на последнем уроке пришла сама директриса. Она посмотрела на Егора каким-то очень любопытным, переоценивающим взглядом.

И вот такой – заново оценённый, он тут же был уведён в директорский кабинет, где его ждали – он до этого и представить себе не мог! – сами хранители. Те самые, о которых шушукались на переменах, и, пытаясь приподнять завесу тайны, рассказывали выдуманные истории. Но на самом деле посвящённых в школе не было и быть не могло!

Конечно, у каждой сокровищницы должны быть свои хранители, у каждого государства – свои пограничники, стоящие на страже его рубежей. Как мы себе их представляем? В военной форме зелёного цвета со звёздами на погонах, с кокардами на фуражках, с пистолетами в кобурах. Да, правда, ещё бывают среди них агенты в штатском – сотрудники служб безопасности.

Но такие представления не всегда верны. Когда дело касается Вотчины, они не верны совершенно. Красные кафтаны с серебристыми петлицами, белые перевязи-берендейки через левое плечо, высокие шапки с государственным гербом на меховом околыше – форма хранителей в Великом Устюге не удивляет никого. А серьёзный вид их вооружения вызывает всеобщее уважение. Ну, кого нынче удивишь пистолетом Макарова или автоматом Калашникова? Даже Егорова мама, ещё учась в школе, умела разбирать и собирать этот автомат с закрытыми глазами. Но то ли дело пищажи, сабли, бердыши! Всё это мгновенно превращается в грозное оружие в умелых руках воинов с чуть ли не тысячелетним боевым опытом! Обычно на эту тему очень любит рассуждать школьный физрук, который считает, что хранители живут на свете вечно и по возрасту немногим моложе Старейшего, хотя и выглядят, как молодые бойцы спецподразделений. Трудно поверить в эти сказки, но роль регулярных тренировок в поддержании хорошей физической формы все-таки отрицать невозможно.

Пожелавших поговорить с Егором хранителей было двое. Один из них, при своём двухметровом росте с трудом умещаясь за учительским столом, что-то списывал с классного журнала. Авторучка в его руке казалась оружием лилипута в руке великана. Второй нетерпеливо расхаживал по кабинету и, увидев Егора, сразу же попросил директрису удалиться – из своего кабинета! – и оставить их наедине с молодым человеком. Оказывается, услышать в таком возрасте, что ты уже молодой человек, очень приятно.

Сейчас Егору и не вспомнить весь разговор дословно. Но суть была в следующем.

Именно он прошёл все этапы предварительного отбора на недавно учреждённую руководством Вотчины должность – должность Новогодника.

В случае безусловного согласия неукоснительно исполнять все предписанные ему должностные обязанности и после одобрения его кандидатуры Советом Вотчины, Егор Морозов будет немедленно утверждён на новую должность самим Старейшим.

– Время не терпит, – это, кажется, сказал уже второй хранитель, и тут же отчитался перед первым, по-видимому, имевшим более высокое звание: – С родителями я сейчас встречаюсь. Мы всё обговорим, – и добавил, уже глядя на Егора: – То, что их согласие будет получено, я практически уверен.

Самым удивительным было то, что во время этого разговора ни тени улыбки не промелькнуло на их лицах. Конечно, Егору было лестно такое серьёзное к себе отношение, но появился какой-то необъяснимый страх и неуверенность. Может быть, именно тогда он и почувствовал, что ему точно не справиться? Почувствовал, но, к сожалению, так и не поверил своей интуиции...

А потом уже и думать было некогда. Над городом кружились последние осенние листья...

– Время не терпит, – каждый раз повторял старший хранитель Семён, выкладывая перед Егором очередной увесистый том из Свода Законов Вотчины, Указов Старейшего и постановлений обеих палат Совета. Теперь у Егора каждый день начинался одинаково. Учился он во вторую смена, а первую проводил в Вотчине. Каждое утро перед его подъездом тормозил серебристый внедорожник с тонированными стеклами. Егор заскакивал в машину с разгону, как будто боясь, что хранители передумают и уедут к другому подъезду за другим мальчиком. Ведь Егор ничем таким особенным от других не отличался, а может, даже где-то кто-то и ошибся, остановив на нём свой выбор. У него пятерка только по истории, да и то недавно давшая существенный крен.

Но раздумывать было некогда – Егор готовился к первому в жизни экзамену. До сих пор по причине отсутствия необходимых знаний, умений и навыков он ещё не был представлен Старейшему.

– В государственном устройстве Вотчины молодой человек уже начал разбираться, – именно такими словами отчитывался перед Семёном, иногда заходившим в архивное помещение, младший хранитель по фамилии Шалауров. Семён недоверчиво щурился и устраивал краткий экзамен. А потом довольно качал головой, заключая:

– И что немаловажно, имеет обо всём собственное суждение! Продолжайте, Шалауров! – и уходил по своим спешным делам.

Егору было особенно любопытно видеть, что иногда хранители появлялись в строгих чёрных костюмах, в белых рубашках и чёрных галстуках. При такой форме одежды никто не подумает, что они хранители, просто решат, что это сотрудники ФСО, то есть Федеральной службы охраны – это для тех, кто не понял. Многие сейчас мог бы объяснить Егор! За последнее время он стал слишком много знать. А Шалауров, проверяя Егоровы знания, иногда взъерошивал ему волосы и хохотал, добавляя пугающе многозначительным шёпотом:

– Слишком много знаешь! Тебя убирать пора! – Егор уже понимал, что это чёрный юмор (кстати, очень распространённый среди хранителей). И тут же снова принимался за чтение, формируя собственную позицию, так необходимую на руководящей должности Новогодника.

Готовясь к экзамену, рассуждал Егор примерно так. Хотя Вотчина и рядом с Устюгом, но это другое государство, правда, дружественное. Здесь, в Вотчине, всё по-настоящему. Только с демократией проблемы. Но кому она нужна такая демократия? Тем более что и слово это нерусское, а в Вотчине все государственные языки российского происхождения. Поэтому и до демократии здесь никому нет дела. Власть принадлежит Старейшему, а вот в Совете Вотчины – сплошь дети. Наиболее разумные из младших. Да, и самое удивительное, о чём

Егор никогда и не догадывался, возглавляет Совет, вообще, девчонка – Лиза Зимина из 6 «В». Надо же! Егор всегда думал, что женщины не могут не проболтаться! Но раз об этом узнал только сейчас, значит, Лиза не из болтливых. А это при дальнейшем сотрудничестве – немаловажный факт. Именно так относятся к подбору кадров хранители. Это Егору уже стало понятно.

Глава 2. Как на самом деле относятся к подбору кадров хранители

Дочитывая последнюю страницу, Егор не мог не усмехнуться. Характеристика была составлена должным образом. Витиеватый мелкий почерк Семёна со всеми особенностями полуустава XVII века при чтении уже не вызывал у него никаких затруднений.

Самым забавным в личном деле Егора было описание «странной, неподдающейся никакому логическому объяснению, индивидуальной особенности, может быть, даже запрограммированной на генетическом уровне». Во как! А имел в виду Семён абсолютную неподверженность мальчика увлечению компьютерными играми. «Благодаря этому, пока ещё неизвестному науке, счастливому гену, Егор обладает очень высокой техникой чтения, легко и с интересом усваивает новую информацию, анализирует её и вырабатывает собственное суждение...» И так далее.

Как бы не старались хранители, выводы о Егоре на основании этого документа можно было сделать разные. А они сделали такой: «Кандидатура Егора Морозова должна быть рассмотрена как самая подходящая для должности Новогодника. Интеллект и неподверженность слабостям, характерным для детской природы, – его самые сильные стороны. Слабое место – увлечение историей рыцарства (!) европейского Средневековья (!)».

Читая это, Егор даже хихикнул: «Молодцы, откопали! Умеют работать!» Теперь важно другое: что из этого всего получится? Но ведь трудные задачи всегда интереснее заранее известных правильных ответов.

А в это время Ерофей Павлович ещё раз обдумывал последствия их выбора. Судя по собранной информации, наряду со значительными преимуществами перед сверстниками, была у Морозова одна – с точки зрения хранителей – непростительная слабость. Если бы, конечно, им заняться раньше, то успели бы нейтрализовать. А так остается только читать предоставленные отчеты и думать, во что это выльется.

Да, действительно, с некоторых пор Егор стал большим почитателем средневекового рыцарства, рыцарских турниров, поединков и прочей далекой от реальности и российской истории чепухи. Ерофей Павлович даже поморщился. Но в связи с этим появились у него и знания вполне интересные, могущие пригодиться на практике: элементарное понятие о средневековом вооружении – хранитель поставил плюс, а потом добавил ещё несколько крестиков, – некоторые познания в геральдике, не говоря уж об этикете и культуре общения с противоположным полом. На этой мысли Ерофей Павлович хмыкнул. Лиза Зиминая была та ещё штучка, и бескультурье в данном вопросе запросто стало бы для Новогодника концом карьеры. Повеселев, хранитель, сложил уже все аккуратно переписанные с учетом сделанных замечаний листочки в заранее подготовленную папку с серебряным тиснением и государственным гербом – пора нести на утверждение Старейшему. Да, чуть не забыл, ещё должностные обязанности Новогодника – туда же.

Пока шёл по анфиладе комнат, Ерофей Павлович ещё раз прокручивал в голове главное. После отъезда Старейшего Новогодник становится его полноправным заместителем в Вотчине и при необходимости оно – в Великом Устюге. С Морозной печатью он справится. Русским мальчикам не надо объяснять, что печатью скрепляют государственные документы, а не колют орехи. Всё-таки традиции российского образования заслуживают уважения. Двенадцатилетний ребёнок знает такие тонкости! Писать какие-то важные бумаги ему вряд ли придётся – отсутствие хозяина обычно бывает непродолжительным. Общение с гостями – это да! Но мальчик культурный и к тому же начитанный. Хотя российской историей с ним надо ещё позани-

маться. Вот, помню, как-то на Амуре... Что они знают об этом, мелочь пузатая! Такие гневные мысли Ерофей Павлович себе обычно не позволял, но иногда накапливало.

Но смешной же всё-таки этот Егор Морозов! Досконально допытывался у Шалаурова, почему его будущая должность называется «Новогодник», хотя «по функционалу» – это наместник. Да, нелегко пришлось Шалаурову с объяснением законотворческих тонкостей. Это ведь, наверно, всё Лизы Зиминой выдумки. Раз Старейший отлучается из Вотчины только в канун Нового года, а наместник, который в это время его замещает, имеет некоторую власть и следит за порядком, как раз на месте и оставаясь, поэтому и должен он именоваться именно Новогодником и никак иначе. Девчонки, девчонки! До чего ж вы любите красивые слова, при этом забывая о смысле! А хозяин всегда так снисходителен к причудам самых разумных из младших в Совете Вотчины! Но если Старейший говорит, что все должны научиться управлять государством, то это так. Чем раньше начнёшь, тем быстрее справишься.

Глава 3. Для кого Старейший – Дед Мороз

В кабинете Старейшего было очень прохладно. Егору даже казалось, что он уже весь с головы до ног покрылся пупырышками, но может быть даже не от холода, а больше от волнения. Конечно, все ребята, которые живут в Устюге, более всех других российских сверстников привыкли к встречам со Старейшим и не только зимой, но запросто – и летом, и весной, и осенью, и в центре города, и на окраине. Среди таких встреч бывают и торжественные, заранее организованные, но чаще совершенно случайные.

Ты по делам идёшь, и он куда-то по своим направляется. Говоришь вежливо (в общении со взрослыми это принято):

– Здравствуй, Дед Мороз!

И он, почти не останавливаясь, если торопится:

– Здравствуй, Егорка, Петя, Маша! Как дела?

А вот если не торопиться, может и про учебу спросить, и про оценку по поведению, – это значительно хуже. Всё равно что классного руководителя в каникулы повстречать.

Поэтому особого везения в том, что кому-то Дед Мороз – земляк, уж поверьте, нет. А есть масса сопутствующих сложностей.

Хотя оказаться среди посвящённых – это, конечно, да! Жизнь Вотчины изнутри – это не то, что снаружи. Что в Устюге про Вотчину обычно говорят? Место хорошее, красивое, бор грибной, Большой дом Морозу построен такой, что не стыдно гостям показать. Можно их и пристыдить при случае! Иногда ведь скажут так скажут. Обойдут вокруг, глаза вылупят:

– А мы думали финский сборный!

– Да ну вас, такие дома только «вологодская сборная» делать может! Как будто у нас мастеров нет, и леса вековые не растут!

В общем, позорище, какие иногда предположения туристы высказывают!

Поэтому и хочется побольше о жизни Вотчины изнутри знать. Всегда можно любому отпор дать и на место поставить, если заливать начнёт о том, чего и не видел. Но другой вопрос – что на новой должности болтать Егору не положено. А жаль. Ну ладно, ещё не утвердили.

Только о том подумал, тут и Старейший идёт. Почему здесь его все так называют? Ну, Глава государства как никак. Дед-то – это для родственников, понимать надо. Для в-в-внучат! Так, сейчас некогда, а потом смешную историю расскажу, если напомним.

– Здравствуй, Егор! – добродушным басом приветствовал его Старейший. Э-э-э, а шуба-то у него не та, в которой по городу прогуливается. Интересно, у него их сколько? Красная, конечно, а вот белый узор по подолу да рукавам гораздо тоньше вырезан и замысловатее. Старейший снял с правой руки варежку, поздоровался с Егором совсем по-взрослому. Ух, и рукавица же у него: Егору до локтя, если не подмышки! Усевшись за стол, Дед сразу же раскрыл тиснённую серебром папку с государственным гербом Вотчины. Про этот герб Егор уже имел понятие, но многое хотелось бы уточнить, потому что геральдикой последнее время он занимался очень плотно, если, конечно, можно так сказать. А настоящий герб, смотри-ка, как раз здесь в кабинете, у Старейшего за спиной. И герб, и штандарт – всё, как у президентов положено. И даже текст гимна – тут Егор затруднился. Должно так быть, или не везде принято? Это, наверно, для детей, которые в гости приходят, а гимн до сих пор не выучили.

А Старейший тем временем углубился в чтение каких-то исписанных мелким, бисерным почерком листочков. На просвет на них и водяные знаки имелись – в виде снежинок, – заметил Егор, а вот что написано, понять не смог, хотя и близко сидел. Слишком почерк заковыристый или может быть даже язык какой-то особенный, секретный. Этого он ещё не знал. А как все узнать хочется!

– Егор, скажи по-честному, – от внезапного вопроса Старейшего он даже вздрогнул, – есть у тебя в голове какие-нибудь глупости или в характере слабости? Как сам-то думаешь? Хранители ведь не могут человеку вовнутрь заглянуть... – и добавил испытующе, – или заглядывали?

Егор совсем растерялся и даже не смог скрыть испуга:

– Нет, только снаружи!

– Ну вот. Снаружи—то не всё видно!

Егор смутился: а вдруг он хранителей подвёл? Может, они обязаны и вовнутрь заглядывать, когда кадры для Вотчины подбирают?

– Учусь я, в общем-то, не плохо, но не отличник, – Егор явно не знал, что сказать.

– А разве я об этом спрашивал? – приподнял густые седые брови Старейший. – Мне не очень-то важно, что о тебе другие думают. Мне важно, что сам о себе сказать можешь.

Егор совсем растерялся и смотрел на Деда недоумённо – он ведь о себе и говорил.

– Оценки-то тебе кто ставит?

– Учителя, – все ещё не понимая, ответил Егор.

– А ты им что ли подсказываешь, какую поставить? – взгляд Старейшего стал лукавым, голос весёлым.

– Не-е-ет. Они ведь сами ставят!

– Ну вот. Они сами ставят тебе оценку на основании того, что о тебе сами же и думают. Так что это не твоё мнение, а их. Пора тебе, Егор, о себе и своё мнение иметь и самому себя оценивать научиться, – и добавил, подумав: – Так-то точнее будет! А теперь иди, погуляй. Тебя ещё на Совете Вотчины утвердить должны. Когда надо, позовут, – и Старейший снова углубился в чтение.

Егор вздохнул с облегчением. Выскочил из кабинета и только потом подумал, что не простившись. Секретарша Старейшего взглянула на него укоризненно, но промолчала. Дверь в кабинет никогда в присутствии Деда не закрывалась. Если кто-то и имеет право здесь делать замечания, так это только сам хозяин, а он явно не собирался.

Когда сюда только шёл, хотел Егор рассмотреть календарь на стене в приёмной – Дедушкин месяцеслов. Необычный он очень – колесо такое, и, наверно, если крутануть, что-то будет. А что – в этот раз узнать не судьба. Не очень-то огорчившись, Егор затопал вниз по лестнице – на первый этаж, а потом и ниже, туда, где написано «служебный выход». Ему уже можно. Он был почти утверждён, а значит – на службе. Промчавшись по длинному извилистому коридору, мимо множества дверей, за каждой из которых совершалась какая-то важная работа, Егор выскочил на улицу и ненадолго задумался: куда податься? Впервые за столько дней ему можно было не зубрить законы и указы, не читать всякие прочие глубокомысленные документы типа инструкции, как правильно обращаться с Морозной печатью. Надо же было кому-то такую написать! Если бы её не было, Егор бы и не догадался, что такой тяжёлой печатью очень удобно колоть грецкие орехи.

Ну что ж, на Тропу! Вы хотя бы один раз прошли по тропинкам Вотчины не от начала до конца, а от конца – до начала? Ага, ну вот! Вот оно одно из преимуществ того, кто видит жизнь Вотчины каждый день и изнутри, а не иногда и снаружи! Да, кстати, я обещал про в-в-внучат смешную историю.

Дело было так. Как-то приехал Дед в городскую резиденцию. Встреча была торжественной. Ребят собралось видимо-невидимо. И туристы, и местные. А чтоб не толкались да друг другу ноги не отдавили, за порядком следили милиционеры. Выходит Дед Мороз из автобуса. Как раз в тот день он с гостем со своим из Лапландии – с Санта Клаусом – был. Выходят, приветствуют, руками машут, что бы все видели – и те, кто так далеко, что не слышно. Ну, ребята что, конечно, тоже любят руками помахать, покричать, весело ведь:

– Привет, Дед Мороз! Санта Клаусу наше почтение!

А милиционеры не машут, всё смотрят, как бы кто кому ноги не отдал, и на лицах у них одно напряжение и никакой радости – сами понимаете, работа. А Деду Морозу, представьте, это не очень понравилось. Он уж сам к ним, к милиционерам, сердито обращается:

– Ну, а вы, в-в-внучата мне или не внучата? Почему не здороваются, руками не машете? – вздохнул даже: – Улыбок ваших тоже не вижу.

Тут уж все на милиционеров смотрят. Растерялись те, но как ведь – Дед все-таки. Заулыбались, оттаяли, хотя их никто и не замораживал. Даже руками задвигали и по-военному дружно, слаженно на одном дыхании ответили:

– Здравия желаем Дед Мороз Санта Клаус!!!

А мы все как подхватим:

– Ура! Ура! Ура! – как на параде получилось. Санта Клаус и тот от таких почестей под впечатлением остался.

Глава 4. По Тропе Сказок от конца к началу

Маршрут начинается за альпийской горкой. Можно её, конечно, назвать иначе, но названия ещё никто не придумал. Может быть, Оленья? Именно здесь иногда любит пастись любимый олень Старейшего – Лёха. Олень ест мох, траву, хлеб-соль и прочую вкуснятину, которой его иногда угощают. Летом с дедом Ау ходит на сенокос запастись прокорм на зиму, потому что олень он не обычный, а адаптированный – то есть приспособленный к здешним климатическим условиям. Вотчина же не в тундре, а в сосновом бору, поэтому и мох здесь не тот, а зимой так много снега, что и этот не выкопотишь. Но если Лёха решил быть рядом со Старейшим во что бы то ни стало, он своего добьётся и даже на другие виды питания перейдёт.

Ну, это он сейчас такой самоуверенный. А вот поначалу ему пришлось туго. От голода живот подтянуло, и рога раньше времени отвалились. Хорошо дед Ау догадался – стал Лёху козьим молоком отпаивать и хлебом откармливать. Это, конечно, говорят, нехорошо – скотину хлебом кормить. Но ведь скотине тоже жить хочется!

А ещё летом здесь очень жарко бывает – это тебе не тундра, где ветер с ледовитых морей и белые мухи в июле! Но всё-таки Лёха пообвык. Правда, от дурных привычек не избавился. Когда начинается в бору грибной сезон, водит Лёха носом и дуреет совсем, лишь запах мухоморов почует. Вот тогда держись дед Ау – придется за Лёхой побегать! А долго ли в лесу заблудиться. Вот и кричит дед: «Ау! Ау! Лёха, ты где?» Тут Лёхе жалко его становится, он и выходит из чащи, иногда даже мухомор недоеденным бросает. Выходит и ведёт деда в Вотчину, чтобы больше не заблудился.

Вот всё это и рассказал Лёха Егору. Никаких книжек читать не надо. Неофициальная история Вотчины такими же неофициальными историками даже не пишется, а складывается, как сказка. Это вам и пень Ерофеич подтвердит. Вон он рядом. Совсем замшелый, кольца на макушке говорят о почтенном возрасте. Посмотрел Ерофеич на Егора как-то очень подозрительно. Даже разговаривать не стал. Отчего так – Егор и не понял.

Зато там, где дерево мудрости скрипит, попалась Егору очень разговорчивая старушка. Бабушка Аушка – деду Ау напарница. Тоже любительница по лесу бегать и «ау!» кричать. Но она не по оленям специалистка, а по разным травам. Они так и называются – «сухонское разнотравье». То самое, из которого местные коровы вологодские молочные продукты делают, во всем мире очень известные. Начала она Егору про травы рассказывать, еле ноги унёс:

– Вот травки боронца возьми! Она как раз тут на борочке растёт, – засутилась в поисках, – видишь, листочки какие узенькие, как кошачьи когти, а сверху коленца лопаточкой. Сам искать будешь, не спутаешь! Бери, бери, очень от синяков хороша, сразу на таких мальчишках заживают.

– Так это ж плаун, – узнал Егор, – по ботанике проходили!

– Ну, уж я не знаю, какой там плаун – не плаун! Бери чтоб! – наступала Аушка и подавала ему пучки девясила и дягиля, зверобоя и плакун-травы кипрея с розоватыми цветками и узкими листьями, и даже крапивы натолкала за пазуху – так и жжётся. – Да, да, возьми-ка и травы-одолень, по-нонешнему валерьяна будет!

Ещё бы немного с бабушкой задержался, совсем бы как чучело соломенное стал – Страшила Страшилой! Отбежал подальше, вытряхнул травку на задворках – как будто невзначай. А тут Ух и Ах с пилой да топором так и приступают.

– Пили! Коли! Неси! – говорят.

Но Егор не такой уж простачок – традиции Вотчины знает:

– А куда поленья нести прикажете?

– К костру двенадцати месяцев, – отвечают хором, даже не задумываясь, так уж надоело всем объяснять!

– Так я же не туда иду, а оттуда!

– Ух! Ах! И правда! – стоят, лбы чешут. На этот счёт никаких указаний не было.

Вот пока думали, Егор дальше и ушёл. Поляну молодецких забав пришлось миновать. Как один в поле не воин, так гигантскими шагами в одиночку не бегают, в шишкобол по одному не играют – интереса нет, духа соревновательности. А вот к мосту-мосточку подходил Егор с опаской. Михайло Потапыч ещё в берлогу не залёг. Вон как раз стоит о дерево спину чешет, а может и когти точит, новые приёмчики из боевых искусств отрабатывает. Э, да он не один! Разговоры в лесу далеко слышать – если по ветру.

– Ну, и как мальчик? Мне обламывать, или сами обломаете? – это медведь рыкнул.

– Воспитание – процесс поступательный. А ты всё в наступление идёшь, – хохотнул кто –то знакомый ему в ответ. А от голоса его скрипучего – по спине мурашки. Оказывается, когда в лесу только деревья скрипят – это не так страшно.

И когда Егора за плечо тронули, мурашки с его спины так и попрыгали. Куда уж страшнее!

Глава 5. Шурши бывают разные – большие и маленькие

– Ты куда? К Шишку в гости или ко мне? – спрашивающий был с Егора ростом и весь в листьях – зелёных и жёлтых. Они были сухие, и оттого сильно шуршали.

– А, Шуршик! – догадался Егор. Про его существование он уже знал, но до сих пор не догадывался, что Шуршик – это просто маленький Шурш. А есть ещё Шурши большие, что ему и было немедленно объяснено.

– Меня бояться не надо, я маленький и хорошо для Шуршей воспитанный.

– Да я и не боюсь, – пожал плечами Егор.

– А чего ж такой испуганный? – не отставал Шуршик. Любопытство Шуршей не знает границ, оттого они всегда в листьях. Везде ищут истину и под всем видимым – скрытую причину, подоплёку то есть.

– Под опавшими листьями в сосновом бору находится мох, подо мхом – грибница. Грибница – это такие белые ниточки в земле. От грибницы растут грибы. Но только летом и осенью. А белые – это те, которые с коричневыми шляпками, – рассказывал Шуршик, показывая Егору окольный путь к волшебному колодцу. – Они появляются только тогда, когда после дождя нога начинается, – бух, не договорил, – на белом мху поскользнуться. Вот как сейчас! – поднялся, отряхиваться не стал, всё равно весь в листьях.

– А с кем это там медведь? – скрывая страх, спросил Егор.

– А то ты не знаешь? – недоверчиво покосился Шуршик: – Они каждое утро с Шалауровым разминаются. Это зарядка такая, гимнастикой называется.

В колодец Егор не полез, только заглянул.

– Там сухо! – предлагал свою помощь Шуршик. – Ног не замочишь.

– А зачем?

– Сухо? – не понял Шуршик.

– Нет, лезть зачем?

– Не знаю, все дети лазят, – не задумываясь, ответил Шуршик.

– А в чём волшебство?

– Наверно, в том, что сухо.

– Пойдём лучше к Шишку, – разочарованно сказал Егор.

– К Шишку так к Шишку, – с готовностью отозвался Шуршик. Пошарил в куче листьев, нашел большой, ржавый ключ – такой Егорова бабушка называет амбарным. – Пошли. Его, правда, дома нет, но мы по-свойски.

Такая простота Егора удивила, но не насторожила – по-свойски так по-свойски. Пока Шуршик открывал замок, Егор озирался по сторонам. Рядом с домиком лесовичка был маленький огород, сильно затенённый сосновыми ветками. Что-то всё-таки в нём росло, но было уже убрано. Лишь кучками лежала прелая ботва, и небольшие грядочки были аккуратно перекопаны.

– Тоже мне лесовичок – огороды разводит.

– Ну, есть-то ему чего-то надо, – заступился Шуршик, позвякивая никак не дававшимся замком. Наконец-то в замке хрустнуло, раздалась какая-то приятная мелодия, а потом не без усилия и с противным скрипом подалась дверь, открываясь внутрь маленькой, полутёмной комнаты – жилище жилищем, квартирой не назовёшь.

– Давай-давай, заходи, на пороге не задерживайся, – почему-то заторопил Шуршик, озираясь по сторонам, и сразу же захлопнул дверь.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, серые предметы вокруг стали приобретать более понятные оттенки. Посредине, прямо на столе была свалена целая груда покорёженных скворечников, явно нуждавшихся в ремонте. Рядом – светлые, недавно выструганные досочки лежали аккуратной стопкой, одна на другой.

– Вишь, собирается кормушки ладить, – пояснял Шуршик, – зима не за горой, там где-то рядом, – махнул рукой в неопределённую сторону, – как раз за Студёным.

«Это деревня такая», – вспомнил Егор. А Шуршик тем временем юркнул под стол и начал там шарить – почему-то очень целеустремлённо. Но домик вдруг дрогнул и поехал куда-то в сторону. Егор уцепился обеими руками за столешницу и только поэтому не упал.

– У каждой избушки – свои поскрипушки, – из-под стола раздавался приглушённый смех Шуршика. Только сейчас Егор понял, что домик едет не в сторону, а по кругу.

– А здесь не Баба Яга живёт? – сразу же захотелось ему уточнить. Но услышать ответ не успел. Раздался пронзительный звук, напоминающий рёв сирены. Избушка резко затормозила. Егор по инерции пролетел ещё целых полкруга и удачно приземлился на лавку. А Шуршик шархнулся как раз под неё. Кто-то резко распахнул дверь. Некто, исполинский и тёмный, остановился в дверном проёме. Нагнулся, но за порог перешагивать не стал:

– Кто тут безобразит? Опять ты? – голос от недовольства был похож на рычание. – Надоело за вами бегать. Бегайте друг за другом – Шишок за Шуршиком, Шуршик за Шишком! Нас-то чего впутываете в свои разборки?

Шуршик выглянул из-под ног Егора и пожаловался на судьбу:

– Ну, вот так всегда. В самый неподходящий момент.

– А, ты тут ещё и не один, паршивец! Ну-ка, выметайтесь оба! А то сам метлу принесу, мало не покажется!

– Уже метёмся, – пискнул Шуршик и ринулся в дверь, пытаясь проскользнуть в узкую щёлочку между косяком и тёмным силуэтом. И счастливо отделался.

Силуэт, упустив первого и даже не оглянувшись, продолжал ждать второго. Егору стало стыдно. В какое позорище вляпался! Шуршику что – он по лесным законам живёт, вотчинные не для него писаны. Но мукам совести быстро пришёл конец. Всё тот же некто крепко взял Егора за ухо, наверно, чтобы продемонстрировать, что муки бывают разные. Исполин вытащил его из избушки на белый свет и захохотал так, что с ближайших сосен разом посыпались шишки, добавив боли и унижения. Это был Шалауров.

Глава 6. Не все девчонки любят розы

Кто сказал, что самая большая неприятность в жизни, какая только может произойти, уже произошла? Конечно, нет. Если начали драть за уши – это верный признак, что всё только начинается. Но Егор не прислушался ни к голосу своей интуиции, ни к тем звукам, которые роились в его раскрасневшемся ухе.

Вот с таким ухом он и предстал перед Лизой Зиминной, приведённый Шалауровым за руку к новому гостиничному корпусу, в конференц-зале которого как раз обычно и собирался Совет Вотчины. Лиза, такая кудрявая и легкомысленная на вид, пожалуй, всё сразу поняла, но ни вопросов, ни удивления Егор от неё не дождался. Пока они шли вдвоём длинным коридором корпуса, она тараторила не умолкая:

– Представь, летом в лагере мы как раз здесь жили, и мне кто-то дверью в бровь хлопбысь! Синяк в пол-лица и как раз на полсмены!

Только Егор хотел снова подумать, что она легкомысленная, и расслабился от этой мысли, как Лиза его огорошила резкой и точной формулировкой вопроса:

– Какую позицию ты занимаешь по отношению к войне Алой и Белой розы?

Егор в изумлении остановился. Вы бы тоже изумились. Но совсем не от того, о чём подумали. В вопросе, на самом деле, не было ничего удивительного. Удивительной была Лизина осведомлённость. И это как раз то слабое место, которое Егор пытался скрыть от хранителей да и от самого Старейшего! Зимина, предчувствуя неслабый разговор, потянула Егора куда-то в сторону. Они оказались в закутке среди гладильных досок и выстроившихся в ряд утюгов.

За эти несколько секунд Егору показалось, что он успел взять себя в руки и даже что-то придумать:

– Какая это может быть за позиция, если в результате войны, – начал он издали, – погибла почти вся древняя аристократия Англии!

– Ты это о чём? – Лиза, приготовившись внимательно слушать, глянула на него недовольно.

– Как о чём? О войне Алой и Белой розы, – и, не давая ей вклиниться с возражениями, продолжил свой исторический экскурс. – Я понимаю, конечно, что до открытия Совета Вотчины, тебе хотелось бы составить собственное мнение об уровне моей образованности. Так вот, в 1455 году в парке Тампль английские дворяне пытались мирно решить вопрос избрания нового короля. Но у них ничего не получилось. В пылу спора глава дома Йорков (сейчас бы это назвали партией, что-то вроде «Англия – дом для Йорков») Ричард Плантагенет сорвал с куста белую розу и пообещал, что не успокоится, пока этот цветок не станет красным от крови Ланкастеров. Вот так Ланкастеры и оказались в партии Красной розы. Но это было только начало! Их истребительная война длилась тридцать лет!

– И что ты этим хочешь сказать? – усмехнулась Лиза: – 6 «Б» не успокоится ещё несколько десятилетий?

– Не понял! – праведно возмутился Егор.

– Всё ты понял, – поморщилась Лиза.

– Ну, и какое до этого дело 6-му «В»? – не выдержал Егор.

– 6-му «В», может, и никакого, – всё-таки Лиза предпочитала мириться, а не ссориться. – Ладно, дело твоё. Но в Вотчине все эти Розы забудь и не вспоминай!

И больше про войну Алой и Белой розы в этот день не было сказано ни слова. Может быть, зря? Но разве мог тогда предположить Егор, что игры 6-го «Б» отразятся на таких серьезных вещах? Интересно, выходит, что Лиза как раз об этом в тот день и подумала? Неужели девчонки могут быть такими предусмотрительными?

Похоже, вся школа знала, какие страсти кипели в 6-м «Б», и только учителя не догадывались. Уроки истории шли своим чередом, а класс нашёл себе другую историческую дорогу. Не сказать, чтобы очень заманчивой выглядела история средневековой Англии. Англичане всегда умудрялись даже воевать скучно. Но название «война Алой и Белой розы» всем очень понравилось, а на Лерку Лыткину вообще произвело неизгладимое впечатление. Тут же поделился и класс: те, кто на колонке у окна, – Алая Роза, те, кто у стенки, – Белая. Для тех, кто посередине, Розы не нашлось. И ещё неизвестно, кому повезло больше.

Если с начала все были только тем и заняты, что делили партийные должности и писали злобные пасквили на противоборствующую партию, то потом война разгорелась не на шутку и никому не в радость. Из школы боялись ходить по одному, а то налетит кто-нибудь из Белой розы – мало не покажется. По затылку рюкзаком так зафитилить можно – что вспоминать надоест, из которого ты стана и что по истории задано! А Прекрасная Дама только подзадоривала. Разумеется, это была Лерка. Не сказать, чтобы она Егору очень нравилась, но раз уж так принято – приходится терпеть и оказывать поклонение. Эпоха рыцарства всё-таки и высокой культуры общения!

Егор во всей этой сваре всё равно ощущал рыцарский дух. Средние века, в его представлении, средненькими никогда не являлись, а казались очень даже выдающимися. Спрашивается, почему любому мальчишке про эту эпоху так нравится читать книжки? Ответ прост. Разве интересно читать про первобытных, обросших шерстью, бегающих с камнями и дубинками чаще от зверей, чем за ними! То ли дело рыцарские турниры представлять да ещё и самому в них, пусть даже только в мечтах, но участвовать!

Да, конечно, турнир это здорово! Ведь в настоящем бою зрителей обычно не бывает, а чуть зазеваешься – тебе и прилетит. Поэтому на чужие подвиги на поле брани смотреть даже небезопасно. А вот на рыцарском турнире – совсем другое дело! Благословенны те времена, когда ещё не был изобретён футбол! Блеск вооружения, изысканность облачений, восторг зрителей!

Что нынче? Нынче никакого героизма и романтики. Сплошная проза жизни и обсуждение миллионных гонораров. Это как-то не по-рыцарски, поэтому совсем неудивительно, что дамы не любят футбол. Правда, некоторые не любят и розы...

Глава 7. Если вас не утверждали на Совете Вотчины, вам очень повезло

Когда ты оказываешься в просторном зале, где окна во всю ширь стен, много солнца и ещё больше любознательного до подозрительности народа, то чувствуешь себя не очень комфортно, тем более что весь этот народ смотрит именно на тебя. Как и успела Зиминая за считанные дни собрать такое представительство? Здесь были даже десятиклассники из московской школы №1344², той самой, что в Кузьминском лесу. Откуда Егор их знал? Да их весь Устюг знает! Сколько раз этих десятиклассников в пример ставили! За самое заботливое, трогательное отношение к Вотчине, уважительное почитание Старейшего, за патриотизм и трудолюбие, – представляете, сколько всего набирается? А самый страшный укор: «Вы земляки! А такого уважения от вас не дождёшься!» Стоит ли удивляться, что школьники Устюга их не только знали, но и недолюбливали. Кто любит примерных отличниц? Ну, уж если только очень красивые попадают...

Вопросы к Егору посыпались ворохом – один вреднее другого. По Своду Законов Вотчины Егор плавал, на Указах Старейшего чуть не утонул, а когда дело дошло до постановлений Совета, подумал, что всё – конец. Они эти постановления сами и принимали, а он только читал, да и то, как оказалось, без понятия, что, похоже, и было отражено в протоколе Писарчука. Это такой заяц в Вотчине есть, почерк лучше всех, образование для зверушки отменное – аттестат лесной школы с почётной грамотой по лесоведению. Писарчук и тот над Егором посмеивался, а, чтобы незаметно было, улыбку во весь рот длинным ухом прикрывал, но всё равно фыркал и брызгался во все стороны чернилами.

– А теперь последний вопрос! – строго зыркнув на зайца, провозгласила Зиминая суровым тоном судьи, предоставляющим последнее слово подсудимому. – Позвольте задать его мне, – помолчала. Наступила полная тишина, никто не ёрзал на стульях, не шептался и не играл в морской бой, как будто все ждали, что математичка сейчас напишет на доске задачи контрольной по итогам года. Но ни доски, ни задач не было, а Лиза сухо приказала:

– Внести изображение герба Старейшего. Выберите там, из запасников, поточнее и в цвете, – и плюхнулась на стул в ожидании, как будто вопрос уже задан.

За пять минут, в течение которых на стене укреплялся плакат с изображением герба, Егор лихорадочно уточнял свои геральдические познания. Их было слишком много, чтобы вспомнить всё сразу! А как иначе, если Егору всегда хотелось стать не милиционером и не пожарным, не военным и не разведчиком, а именно – герольдом, одной из обязанностей которого в те самые средние века как раз и было составление и описание гербов. А геральдика – это и есть наука о гербах, при создании которых применяется так много геральдических тонкостей.

Да, кстати, если не знаете, герольды в средние века – это доблестные и храбрые ветераны, следившие за соблюдением всех рыцарских правил. Именно они и создали геральдику как науку по самой настоятельной необходимости времени. Иначе, без родовых гербов, как отличить одного рыцаря от другого? Доспехи-то у всех одинаковые, а лиц за забралом не видно. А ведь ещё честь рода, имена славных предков! Герб – это как неписаная родословная, увидел его на щите – и всё про рыцаря знаешь, кто он и откуда и чем его предки отличились.

Правда, герб Старейшего – очень непрост, к тому же он одновременно ещё и государственный герб Вотчины. Так что насчёт своих познаний Егор не обольщался.

² Сейчас это школа-лицей №1420 ЮВАО города Москвы, при которой работает столичное представительство Посольства юных Вотчины Деда Мороза.

Герб перед ним, а что он может сказать? Небесно-лазурная снежинка в серебряном контуре на фоне зелени еловых ветвей. Жезлы с птичьими навершиями положены в крест, а поверх их – ещё одна снежинка, уже маленькая, но серебряная. Как много здесь всего! Ещё и серебряная корона, и стальной рыцарский шлем. А над ним белочка-нашлемник держит в лапках золотистый мешочек, на котором вышит герб Великого Устюга – традиционный Водолей. По бокам от шлема причудливо выются голубые ленты намёта с серебристой изнанкой. Каждый герольд помнит, что когда-то очень давно, отправляясь в далекие, часто жаркие страны, рыцари защищали свои шлемы от солнечных лучей кусками материи, которые в походах и сражениях превращались в причудливые лоскутья. Вот это и есть намёт, который в геральдике получил такой изящный и узорчатый вид.

Под снежинкой на белой девизной ленте всего два слова, самые главные в Вотчине: «Твори добро!» Над ними – маленький золотистый колокольчик точно такой, как в комнате желаний.

А ещё на причудливо изогнутых еловых ветвях фона, поддерживая снежинку, стоят в червлёных, красных тулупах с белой оторочкой два медведя с грозными бердышами на длинных древках – боевыми топорами с лезвиями в виде вытянутых полумесяцев.

Попробуй тут разберись, что к чему, если вопрос будет на засыпку!

– Егор, назови, пожалуйста, главный элемент герба Старейшего и значение этого элемента? – совсем по-учительски после долгой паузы спросила Зимица.

Да-а-а, ничего об этом хранители Егору не рассказывали. Оставалось уповать на собственные знания. Но из спасительной энциклопедии Брокгауза и Ефрона в Егоровой голове сейчас крутилась только уйма малополезных в данном случае сведений: «Следующие элементы составляют герб: щит, шлем, намёт, корона, нашлемник, щитодержатели, девиз, мантия и сень. Щит составляет главнейшую часть герба. В прошлых столетиях существовало много форм геральдических щитов, но в настоящее время почти исключительно употребляется французская форма; высота такого щита равна 9/8 ширины». Хоть и была у Егора память такая: глянул – как затвором фотоаппарата щёлкнул, – но чем это в данном случае могло помочь, скажите на милость?

О, всё-таки его мозг нашёл подсказку! Подожди, подожди! Что же здесь щит, если это главнейшая часть любого герба? Что делают щитодержатели? Конечно же, держат щит! Кто на Морозовом гербе хоть чего-то держит? Белочка – мешочек, но она одна и на мешочке – герб Устюга. Значит, это не подходит. Медведи! Их двое, в их лапах – бердыши, но не только! Они поддерживают... снежинку! Ну, конечно же! Именно она расположена в самом центре герба, именно на ней скрещены серебряные жезлы власти! Именно она – щит!

– Снежинка! – выпалил Егор, боясь, что уже и так слишком задержался с ответом, которого в полнейшей тишине терпеливо дожидался весь Совет, и поэтому особенно отчетливо было слышно, с каким облегчением вздохнула Лиза. Ага, она, кажется, на его стороне.

– Ещё немножко об её значении, – попросила она.

Егор, собираясь с мыслями, начал издалека:

– Мы так привыкли, что если идёт снег и появляются морозные узоры на окнах, то скоро Новый год, который мы просто не можем себе представить без участия Старейшего. Я полагаю, – Егор глубоко вдохнул и продолжил насколько мог самоувереннее: – щит, изображённый на гербе Деда Мороза, наделён такими же волшебными силами, как и его владелец. Разве может одна хрупкая снежинка быть защитницей морозных владений, если б не волшебство, а? – обвёл взглядом весь притихший зал и сам ответил: – Вполне возможно, что снежинки в Вотчине, одна к одной, становятся её надёжной защитой, и конечно, должны вызывать чувство громадного уважения. Поэтому гербовый щит Старейшего и имеет форму снежинки, –

закончил Егор, но уже не так уверенно. На этот раз он был прав, но очень жаль, что так быстро забыл свои догадки.

Лиза поймала его вопросительный взгляд и немедленно продолжила заседание Совета:

– Так, ответ, по моему мнению, достаточно полный. Переходим к голосованию. Не забывайте об ответственности, на вас возложенной. Кто за то, чтобы утвердить Морозова Егора из 6 «Б» класса школы №2 Великого Устюга на должность Новогодника согласно штатному расписанию Вотчины? – и первой подняла руку...

В этот день Егор уезжал в Устюг совершенно вымотанный, но счастливый, почти как спартанец, который возвращался домой, не потеряв своего щита и не утратив чести воина. Его утвердили.

Глава 8. Погоду для свиданий надо выбирать!

Вот так и помог Егору утвердиться в должности Новогодника герб Деда Мороза – тот самый, который «официально внесён Русской Геральдической Коллегией в свой Гербовый Матрикул (в список гербов то есть) под номером 537-м»! Знать бы ещё, что из-за этого герба выйдет! Но тогда он ничего из этого не знал и совсем о другом думал. Думал о том, что друг закадычный Вовка на него уже обижается: в школе на уроках отворачивается, в окно глядит, на переменах дуется, больше с другими разговаривает. Его понять можно, перед уроками во вторую смену столько времени свободного, а Егора уже и след простыл, а куда каждый день смывается даже другу! – Вовке! – ни слова, ни речи! Но ведь у Вовки тоже глаза есть, даже если машина-внедорожник с тонированными стеклами всегда от школы за углом останавливается. Но ведь из-за этого угла Егор и выходит, чего с ним раньше никогда не случалось. Наверно, Вовка думает, что у него новые друзья появились, а про старых он напрочь забыл – вот поэтому и в обиде. Нехорошо на душе у Егора. Рассказать ничего нельзя, а как хочется! – вздыхает Егор, глядя в Вовкин затылок.

А слухи по школе сами бродят без его участия, они это умеют. Лиза подстерегла на перемене, шепнула:

– Держись!

Была ему нужда в девчачьем сочувствии!

А вот Зимина как раз так и не считала.

Обычно в школе как? Если кто-то из другого класса, ты его особо и не замечаешь, и наличие у него ушей и глаз тебя не интересует. А ещё бывает особенно приятно вообще игнорировать его присутствие: когда говоришь, кажется, что рядом пень пнём стоит и понять в принципе ничего не может! Вот так и в тот день.

Лизе позвонил папа и сказал, чтобы ждала его у школы, он за ней заедет:

– На улице мокреть, слякоть, грязь! Нечего по городу бродить, на теннис я тебя увезу!

Шёл противный мелкий дождь, Лиза мокла у школьного забора, а папиной машины все ещё не было видно. Рядом под акацией, с которой уже вместо жёлтых листьев срывались холодные крупные дождевые капли стояла парочка – Вовка и Лерка из б «Б», по всем школьным законам не обращавшие никакого внимания на застывшую в ожидании Лизу. Наверно, думали – пень пнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.